

На правах рукописи

РУДИ АМИНА ШАМИЛЬЕВНА

**МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОСТИ
В РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Омск – 2014

Работа выполнена на кафедре философии
ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Денисов Сергей Федорович

Официальные оппоненты:

Балабанов Павел Иванович, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», профессор кафедры философии, права и социально-политических дисциплин

Кудашов Вячеслав Иванович, доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», профессор и заведующий кафедрой философии

Пивоваров Даниил Валентинович, доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», профессор и заведующий кафедрой религиоведения

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Защита состоится 15 января 2015 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.177.03 при ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» по адресу: 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14, ауд. 212.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета, <http://www.omgru.ru/dissert/>.

Автореферат разослан 25 октября 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Варова Наталья Леонидовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В настоящее время ускоренных темпов социальной динамики, непрерывного усложнения технической реальности, перенасыщения и полисемантичности информационного пространства жизнедеятельности человека проблема онтологических оснований устойчивости приобретает особо актуальное звучание. История человечества, являющая бесчисленное множество войн и кризисов, может быть представлена как история поиска эффективных способов разрешения конфликтов и оптимальных форм организации жизни людей в согласии. Именно этот поиск породил множество социокультурных, политических, экономических моделей жизнедеятельности общества. Однако при достижении современным человечеством беспрецедентных высот цивилизационного развития малейшие нарушения общественной стабильности вызывают катастрофический рост примеров бесчеловечности. Необходимо отметить, что зачастую вырабатываемые обществом стабильные структуры, призванные спасти человека от одиночества и изменчивости внешнего мира, начинают представлять для личности большую угрозу, нежели сама первозданная пугающая природа.

Исследование устойчивости, ее содержательное и статусное определение становится чрезвычайно актуальным в современном коммуникативном пространстве с превалированием в нем категорий деконструкции, диссонанса и хаоса. Непредсказуемая изменчивость мира оправдывается культурными установками постмодернизма. За понятием же устойчивости скрывается фундамент классической рациональности, явленный в частности представлениями о сохранении, стабильности, равновесии, форме, структуре, организации. Фундамент, возможно, несколько пошатнувшийся, но до сих пор выполняющий опорную функцию в здании науки. В классической науке устойчивость рассматривалась в качестве атрибута идеализированного объекта. С изменениями в понимании научной методологии возникает необходимость разрешения проблемы существования устойчивости в условиях поворота науки к изменчивой повседневной реальности. Отсюда вытекает потребность в методологических принципах создания вариативной модели мира, обладающей широкими объяснительными возможностями. Выработка таких принципов подразумевает осмысление форм рациональности, тенденций развития современного научного знания и роль философии в этом развитии. Поскольку проблема устойчивости обладает общенаучным статусом, постольку философское ее исследование не защищено от терминологической избыточности понятий наиболее широко разрабатываемых частных научных теорий – например, синергетики. Возникает необходимость не умножать число понятий, согласно сдерживающему призыву У. Оккама, а выяснять границы применимости и степень актуальности традиционного категориального аппарата философии. Здесь могут открываться

перспективы переосмысления философского терминологического аппарата и становления категории устойчивости как интегрирующей традиционный и современный собственно философский язык.

Ориентация научного познания на константность отражает родовое стремление человека к обретению устойчивости. С этим стремлением связаны также религиозные и философские искания, поиск гармонии в искусстве. Родовая потребность в устойчивости на уровне индивидуального существования осмысливается как острая необходимость устойчивого мировоззрения, выступающего условием выживания индивида и его ориентации в действительности. Индивиду свойственно выстраивать свою жизнь в соответствии с требованиями безопасности и стабильности. Там, где кончается постоянное, понятное и надежное, зачастую возникает пограничная ситуация, требующая от личности большой созидательной силы для обретения качественно нового миропонимания и связанного с ним состояния внутренней устойчивости. В этом ключе философия может выступать не только как культура разумного мышления, вырабатывающая инструментарий и образцы рационального познания мира, но и как духовная практика, издревле известная способностью врачевания души, таящей в себе имманентный источник тревожности, изменчивости, и постигающей посредством философии высшие смыслы бытия.

Степень разработанности проблемы

Представления об устойчивом мировом порядке уходят корнями в древние космологии и выражены в понятии космоса. Наиболее ранними источниками, фиксирующими эти представления, служат размышления Аристотеля, Гесиода, Гераклита, Парменида, Платона, Плотина, Прокла, Эмпедокла. Экспликацию и анализ древнейших символов, ритуалов, мифологических сюжетов, сопряженных с пониманием Хаоса и Космоса, осуществляют в своих работах П. Адо, Д. Антисери, В. Ф. Асмус, М. М. Бахтин, Г. Башляр, В. В. Василькова, Я. Э. Голосовкер, М. С. Евзлин, И. Кант, Ф. Капра, Л. П. Карсавин, Х. Э. Керлот, Ф. Х. Кессиди, А. Ф. Лосев, А. В. Перцев, К. Поппер, Дж. Реале, В. Н. Топоров, О. М. Фрейденберг, М. Элиаде. Однако сама по себе категория устойчивости не представляла в качестве самостоятельного предмета философской рефлексии.

ИмPLICITно понимание изменчивости и устойчивости связано с проблемой научного познания – истинного, достоверного знания и его источников, научной рациональности и методологии, категории времени и конструирования, что представлено в исследованиях Д. Беркли, П. П. Гайденко, Г. В. Ф. Гегеля, Р. Декарта, С. Ф. Денисова, В. В. Казютинского, Г.-В. Лейбница, Д. Локка, Н. И. Мартишиной, Б. Спинозы, В. С. Степина, Д. М. Федяева, Ф. Шеллинга, Д. Юма. Обозначенные исследования в области философии науки позволили сложиться методологическому аппарату для изыскания конкретных гносеологических оснований моделей устойчивости. Используемое в работе понимание реальности и представление о конструи-

ровании различных реальностей восходит к работам Н. И. Мартишиной по проблеме конструирования реальности.

Понимание устойчивости как феномена конструируемого, моделируемого при познании различных объектов отправляет к исследованиям С. Ф. Денисова, А. Г. Максапетяна, Н. И. Мартишиной, Г. И. Рузавина, В. А. Штоффа, посвященным моделированию как методу исследования. Созданные концепции сосредотачивают внимание на историко-философских проблемах науки безотносительно к понятию устойчивости и формам ее проявления.

Проблема становления, указывающая как на изменчивость мира в фундаментальном определении реальности, так и на устойчивость, являющейся плодом представлений человека, концептуально раскрывается в творчестве А. Бергсона, Г.-Г. Гадамера, Н. Гартмана, Э. Гуссерля, В. Дильтея, Г. Зиммеля, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассета, М. Хайдеггера, О. Шпенглера, А. Н. Уайтхеда. Указанные мыслители не ставят перед собой задачу соотносить становление с определенной моделью устойчивости, адекватной природе отдельных объектов, или обособить устойчивость в феномене становления.

Освещение равновесия как основного механизма устойчивости возможно с апелляцией к идеям А. В. Аникина, М. А. Анипкина, А. А. Богданова, Л. А. Боровинского, Н. И. Бухарина, В. В. Васильковой, Дж. Вико, А. А. Гусейнова, С. Ф. Денисова, Э. В. Ильенкова, Ж. А. Кондорсе, О. Конта, В. В. Кришталь, В. Парето, Т. Парсонса, Г. Спенсера, Ш. Фурье, А. А. Эйхенвальда, В. В. Юшманова. Надо заметить, что само по себе равновесие, исследуемое указанными авторами, не является исключительным признаком и модусом устойчивости. Категория равновесия не может быть привлечена при разъяснении природы неравновесных объектов, составляющих большую часть явлений и процессов действительности.

Кристаллизация как механизм образования устойчивых форм в природе и обществе раскрывается в работах В. В. Аршавского, В. Белянина, Дж. Бирмана, И. Н. Боголеповой, А. К. Болдырева, Г. Д. Боуша, Л. Брума, П. Бурдые, Г. Вейля, В. И. Вернадского, А. И. Гоулдмана, Р. В. Джана, Х. Домански, П. де Жена, И. В. Ефимовой, В. В. Исаевой, С. А. Зимова, В. И. Карасика, Э. Кассирера, Н. В. Касьянова, А. И. Китайгородского, С. Г. Кривошекова, В. П. Леутина, А. Р. Лурии, Л. И. Малофеевой, В. А. Некрасова, Е. И. Николаевой, К. С. Новоселова, В. Е. Пешковой, М. Л. Пляшкевича, А. А. Потевни, Е. В. Преснова, Р. Рорти, С. Г. Саблиной, М. О. Семёнова, П. В. Стивенза, М. С. Тайлера, Ю. А. Урманцева, Ю. Р. Хисматуллиной, М. Г. Чухровой, М. Шредера, П. Штомпки. Благодаря этому ценному массиву научных достижений раскрыты отдельные спектры природы кристаллов, частные возможности применения кристаллических свойств, которые, однако, не составляют целостную теорию кристалла, концептуально соотносящую понятия кристалла как частного и устойчивости как общего.

Конструирование второй по организационной сложности модели устойчивости – Мегамашины – стало возможно благодаря обращению к результатам научных изысканий Н. А. Бердяева, Г. Гегеля, Т. Гоббса, П. Гольбаха, Э. Гуссерля, Ю. Н. Давыдова, Р. Декарта, Ю. Н. Дорожкина, А. Г. Здравомыслова, А. И. Жеребина, А. И. Исакова, Ж. Е. Кайсаровой, А. Койре, Д. Кондепуди, Б. И. Кудрина, Ж. О. Ламетри, П. Лапласа, Г. Лейбница, Е. В. Леденевой, Э. Маха, Л. Мэмфорда, А. В. Олейника, Н. Г. Павловой, И. Пригожина, В. Н. Поруса, В. Э. Тереховича, Э. Тоффлера, А. И. Умова, Ф. Шеллинга. Машинность представляется при этом как вариант понимания мира, не знающий альтернативы, не связанный с одной из специфических форм организации устойчивости.

Принципиальная специфика соотношения и проявления устойчивости и изменчивости в эволюционирующей природе, а также подходы к их изучению разъясняется В. И. Арнольдом, Л. Берталанди, С. Биром, И. В. Блаубергом, А. А. Богдановым, Э. Н. Богдановой, В. Г. Будановым, Ф. Варелой, Н. Винером, Л. С. Выготским, М. Джексоном, Э. Зи, Е. Н. Князевой, В. Н. Костюком, Т. Куном, С. П. Курдюмовым, А. Ю. Лоскутовым, Н. Луманом, Ф. Маликом, У. Матураной, Дж. Мердалом, Л. Млодиновым, Д. А. Новиковым, И. Пригожиным, Г. Пробстом, В. М. Розиным, В. Н. Садовским, А. А. Силиным, И. Стенгерс, В. С. Степиным, А. И. Уемовым, Р. Л. Фладом, С. Хокингом, Д. С. Чернавским, У. Р. Эшби, Э. Г. Юдиным. Данные материалы составили основу осуществленного в диссертационном исследовании теоретического моделирования устойчивости эволюционирующих систем.

Модель Мегаорганизма раскрывает свои признаки и эвристические возможности при апелляции к традиции органицизма и к работам его исследователей. Особо значимы в этом ключе работы Ф. Ауэрбаха, С. Бира, Ф. Бэкона, Р. Р. Вахитова, Н. Винера, Г. Гегеля, Т. Гоббса, Н. Я. Данилевского, Э. Дюркгейма, И. А. Ильина, Г. Лебона, А. Ф. Лосева, Ж. Ле Гоффа, Н. Н. Моисеева, А. П. Назаретяна, Е. Н. Панова, А. Тойнби, Н. Трюона, Ф. Шеллинга, О. Шпенглера, Э. Шредингера. Апологетами органицизма, также, как и представителями механицизма не рассматриваются исторические рамки и объяснительные пределы органической теории, не сопоставляется схема мировосприятия непосредственно с моделью Мегаорганизма.

Прояснение качественной специфики модели Мегарынка побудило обратиться, прежде всего, к синергетическим и постмодернистским теориям, а также идеям апологетов рыночной экономической системы. Проблематика разработана Р. Бартом, А. Бергсоном, Х. Г. Гадамером, Ф. Гваттари, Ж. Делезом, Ж. Дерридой, И. П. Ильиным, Дж. Кейнсом, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмовым, Ж.-Ф. Лиотаром, Р. Нозиком, Е. А. Седовым, Р. Скидельски, А. Смитом, М. Фуко, Ф. А. Хайеком, К. С. Хачатуряном, О. В. Хлебниковой. Постмодернистская и синергетические парадигмы миропонимания не моделируют при этом сам образ Мегарынка с его атрибутивными свойствами.

Основу для конструирования моделей устойчивости составила философско-антропологическая концепция эволюционных форм сциентизма под авторством С. Ф. Денисова. В рамках данной концепции подробно анализируются этапы развития метафизического сциентизма и соответствующие им социально-онтологические метафоры общества, в частности, образы общества как Машины и Рынка. Нарботанный С. Ф. Денисовым материал позволил развить его идеи, распространив социально-философские построения на универсальные модели устойчивости, в особенности – на модель Мегамашины (термин Л. Мэмфорда) и модель Мегарынка (понятие, формулируемое по аналогии с терминологией Л. Мэмфорда для обозначения содержательно-масштаба модели).

Таким образом, несмотря на непреходящий интерес к проблеме устойчивости, в современной научной картине мира в свете открытий последнего столетия нет целостного понимания природы устойчивости. Философская рефлексия, призванная осуществлять интеграцию и культурную интерпретацию частного научного знания, также пока не сформировала единой теории устойчивости в многообразии ее форм.

Проблема исследования заключается в необходимости конструирования различных моделей устойчивости в развивающейся реальности, посредством которых возможно формирование философской концепции устойчивости. Эта проблема может быть выражена в ряде вопросов: какова онтологическая природа устойчивости, какие формы принимает устойчивость в зависимости от природы изучаемого объекта, какие модели наиболее адекватно отражают устойчивость различных уровней развивающейся реальности?

Целью исследования является выявление онтологического статуса устойчивости и конструирование ее моделей в развивающейся реальности.

Задачи исследования:

1. Проследить становление и развитие идеи устойчивости в истории философии и науки;
2. Рассмотреть равновесие как простейший механизм устойчивости на базе материалов междисциплинарных научных исследований;
3. Идентифицировать универсалию устойчивости на материале кристаллизации в природной и социальной среде;
4. Обозначить соотношение устойчивости и изменчивости в линейно развивающейся реальности;
5. Сформировать модели устойчивости, соответствующие нелинейно развивающимся самоорганизующимся системам;
6. Сконструировать предельно масштабную модель саморазвивающихся объектов.

Методологические основания диссертационного исследования

Логика исследования выстраивалась с опорой на *диалектический метод* при понимании диалектики в заданном Г. В. Ф. Гегелем ключе как науки о развитии и изменчивости. Диалектический метод анализа развиваю-

щейся реальности позволил рассмотреть устойчивость как феномен, коррелируемый с движением, обнаружить в устойчивости не статичную определенность, а потенциал, развертывающийся под влиянием противоречия между стремлением объектов к сохранению, и воздействующими на эти объекты внешними и внутренними факторами изменчивости. Как методологический принцип, диалектическая установка исследования задана стремлением преодолеть узость определений, соотнося различные определения друг с другом. Так, определяется место устойчивости в традиционном ряду диалектических понятий и подразумеваемая отдельными моделями устойчивости необходимость изменений для сохранения объекта.

В соответствии с выбранным методом основными принципами послужили:

– принцип развития, определяющий необходимость рассмотрения устойчивости как объекта бытия и предмета научного познания, претерпевающего изменения, предстающего в различных по уровню сложности формах проявления;

– принцип диалектического противоречия, акцентирующий внимание на 1) устойчивости как результате уравнивания противоположных сил, действующих на объект, 2) неразрывной связи, взаимоположения устойчивого и изменчивого.

Ключевыми методами диссертационного исследования стали также общелогические методы и приемы мышления, среди которых необходимо подчеркнуть как особо значимый метод *моделирования*.

Теоретическое моделирование, предусматривая создание идеальных конструктов, отражающих ключевые качества объекта, позволило сформировать обобщающее знание о некоторых модусах устойчивости, способах ее установления и сохранения. Поскольку моделирование предполагает привнесение субъектом познания собственного понимания порядка в осмысление реальности, постольку стало возможным выявление оснований устойчивости в их соотношении с развитием различных парадигмальных установок познания мира: наукой, искусством, религией. Моделирование устойчивости осуществлялось посредством трансляции сведений из одной области реальности (физической, биологической, социальной) в другие области, способствуя формированию универсальной модели, единой картины мира. Модели устойчивости мира способны реализовывать свои конструктивные функции при создании произведений искусства, принятии социальных управленческих решений, воспитательном воздействии на личность. Моделям присваивается метафорическое обозначение, позволяющее сделать изучаемый объект узнаваемым и воспринимаемым в виде целостного образа.

В процессе конструирования иерархической последовательности моделей устойчивости необходимым стало обращение к общелогическим приемам *абстрагирования, обобщения, аналогии*. *Абстрагирование*, заложенное в методологическое основание исследования, указывает на отсутст-

вие абсолютного, изоморфного соответствия конструируемых моделей устойчивости наблюдаемым в реальности оригинальным объектам. Работа осуществлена при допущении отвлечения от множества свойств отдельных феноменов и фокусировании внимания на ключевых качествах, обеспечивающих сохранение идентичности и самоидентичности объектов. *Обобщение* позволило подвести разнообразие явлений различной природы (физических, биологических, социальных, архитектурных, музыкальных) в общую группу, соответствующую определенной модели устойчивости, по выделенному в процессе абстрагирования признаку. Использование *аналогии* сделало возможными рассуждения о признаках отдельных объектов исследования при установленном сходстве их с другими объектами.

При выявлении универсальных онтологических оснований устойчивости были привлечены в качестве эмпирической базы результаты частных научных исследований, позволяющих приходиться к умозаключениям о специфике физического, технического, биологического, социологического и политологического понимания устойчивости объектов на разных этапах развития дисциплинарного знания. Соответственно использовались метод системного анализа, сравнительно-исторический метод и метод междисциплинарного синтеза.

Определение онтологического статуса устойчивости было бы неполным без обращения к философской рефлексии таких форм миропонимания, как религия и искусство. Эта рефлексия выявляет мировоззренческие параллели в объяснении устойчивых феноменов, столь значимые для формирования универсальной картины мира.

Основная идея диссертационного исследования заключается в выделении различных моделей устойчивости в зависимости от уровней развития реальности.

Научная новизна исследования

1. Установлено, что в ранних философских представлениях об устойчивости содержатся идеи, соответствующие современному научному пониманию данного феномена.

2. Прослежена специфика процессов кристаллизации в природе и обществе, на основе которых эксплицирована универсалия устойчивости в простейшем – статическом модусе, в качестве теоретического аналога которого разработана модель Кристалла, обладающая симметрией, строгой структурой, пространственным ритмом роста.

3. Установлен статус Мегамшины как искусственной модели функциональной устойчивости, характерной для гигантских человеческих сообществ, ориентированных на достижение целей в экстремальных условиях, а потому гарантирующей социуму временную устойчивость.

4. Сформирована модель устойчивости объектов эволюционирующей природы, обнаруживающих подобие различным формам жизни, носящих признаки открытых систем, развивающихся нелинейно. Для обозначения модели предложена метафора Мегаорганизма.

5. Сконструирована модель Мегарынка как модель устойчивости сложного порядка, предусматривающая значительную разобшенность элементов самоорганизующихся и саморазвивающихся объектов, находящихся в благоприятных условиях существования.

6. Представлена модель Мегакосмоса, включающая в себя все обозначенные модели, и являющая собой предельно сложный уровень организации устойчивости.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Представления о порождающей устойчивости изменчивости и допускающей изменчивость устойчивости обязаны своим возникновением не современным научным теориям, а древним космогониям, коррелирующим устойчивость с понятием Космоса (и подразумеваемой под ним гармонией, пределом, порядком), а изменчивость – с понятием Хаоса (источником вечного движения, смерти и жизни). Если научное познание исторически движется от выявления простейших форм устойчивости к обнаружению сложных принципов ее организации, то ранние философские онтологические учения уже отражали имплицитное наличие изменчивости в устойчивости. Исходя из известной философии диалектической связи устойчивого и изменчивого следует предположить, что различные модусы устойчивости содержат в себе допущение разной степени изменчивости.

2. Простейшим механизмом устойчивости является равновесие – способность объекта сохранять свое положение в состоянии движения и покоя. В соответствии с принципом равновесия появляется вера в прогресс и в возможность достижения окончательного идеального состояния общества. Обнаружение в ходе усложнения научного знания о мире форм устойчивости, не сводимых к равновесию, позволило заключить, что равновесие – не обязательный атрибут существования устойчивого объекта.

3. Понятие устойчивости неразрывно связано с понятиями *предела*, *меры* и *формы*. Только устойчивое может быть определено, зафиксировано в некоторой форме, существует в соответствии с мерой, за пределами которой устойчивость объекта утрачивается. Онтологические конструкции устойчивого бытия тяготеют к метафорическим обозначениям формы: различные космологии прибегают к метафорическому моделированию бытия в виде сферы, мирового яйца, водной стихии и прочим символам-образам, современное состояние рационального познания мира позволяет выделять метафорически обозначаемые модели устойчивости в виде кристалла, Мегамшины, Мегаорганизма, Мегарынка, Мегакосмоса. Конструируемые модели отражают усложнение организации устойчивости по мере ее развития и расширения научных возможностей ее познания.

4. Понятие устойчивости соотносимо с диалектическими категориями *качества*, выражающей упомянутую существенную определенность устойчивого объекта, *сущности*, отражающей неизменные, инвариантные качества объекта, *единого*, мыслимого как начало неделимой устойчивой целост-

ности и обязательная предпосылка познания, ориентированного на обнаружение надежных, неизменных оснований реальности. Как и иные категории, фундаментальное понятие «устойчивость» являет собой форму мысли, определяющей условия познания и характер ориентации человека в мире.

5. Кристалл как простейшая модель статической устойчивости представляет собой регулярное множество элементов, образующих строгую структурную симметрию. Основными признаками кристалла, как оригинала соответствующей ему конструируемой в работе модели, являются, прежде всего, неизменный порядок пространственного расположения образующих его частиц, симметрия, повторяемость фрагмента кристаллической решетки от центра к периферии в процессе роста кристалла

Кристаллизация как механизм устойчивости явлений неорганической, органической, социальной и психической природы возможна лишь при вероятности сохранения структуры (фрагмента) объекта и статичной формы его существования – двух признаков, позволяющих модели Кристалла выступать образным аналогом кристалла-прототипа.

6. Моделью функциональной устойчивости является Мегамашина, коррелируемая с механистической картиной мира, успешно приложимая к объяснению социальной устойчивости и обладающая рядом идентификационных признаков, прежде всего масштабностью выполняемых задач и задействованных трудовых ресурсов; принудительным характером деятельности составляющих ее элементов; твердой вертикалью управления, обеспечиваемой религиозными предписаниями, силовыми структурами и жестким бюрократическим аппаратом; общей регламентацией, не допускающей самоуправление.

Масштабные человеческие сообщества исторически тяготеют к машинной модели устойчивости, однако не могут рассчитывать на существование в условиях неизменности, отсутствия развития как самой системы, так и внешней среды, предполагаемых функциональной устойчивостью.

7. Модели устойчивости самоорганизующихся и саморазвивающихся систем обладают адаптивностью, самореферентностью, автопозисом. Следуя исторической логике развития научного познания, первой в этом ряду моделей предстает модель Мегаорганизма, соответствующая органицизму как междисциплинарной парадигме восприятия мира. Объекты реальности, соответствующие данной теоретической модели, являются открытыми системами, сохраняют устойчивость, переживая постоянные процессы изменений и усложнений, развиваются нелинейно, образованы естественным единством разнообразных элементов.

8. Модель Мегарынка отражает синергетическое и постмодернистское мировидение. Концепция Мегарынка обладает существенным объяснительным потенциалом в исследованиях объектов, обнаруживающих в своем существовании стихийные процессы порядкообразования. Такие объекты минимально регламентированы, имеют нежесткую структуру, образуемую рассеянными, самоорганизруемыми элементами.

9. Мегакосмос, как наиболее масштабная модель устойчивости, включает в себя на различных уровнях организационной сложности все приведенные модели, которым могут соответствовать различные объекты на различных стадиях развития. Оригиналом данной модели может выступать лишь один объект – Вселенная, целостный и всеобъемлющий собой мир, содержащий в себе источники и факторы своего развития. Данная модель эвристически значима в исследованиях, актуализирующих междисциплинарные связи в корпусе современного научного знания.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается:

- в возможности методологического использования его результатов для решения онтологических и частных научных задач, связанных с моделями устойчивости любых объектов;
- в перспективах использования полученных материалов для разработки учебных курсов различных философских дисциплин.

Апробация работы

Основные положения диссертационного исследования доведены до сведения научной общественности на конференциях и конгрессах различного уровня: всероссийской научной конференции «Социальные конфликты в истории России» (Омск, 2004), международной научно-технической конференции «Динамика систем, механизмов и машин» (Омск, 2007), всероссийской научной конференции «Третьи Лойфмановские чтения: Образы науки в культуре на рубеже тысячелетий» (Екатеринбург, 2007), V Российском философском конгрессе (Новосибирск, 2009), всероссийской научно-практической конференции «Культурное наследие России и перспективы мирового социокультурного развития» (Екатеринбург, 2009), VII региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (Новосибирск, 2008, 2009), XII всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Мультикультуральная современность: Урал-Россия-Мир» (Екатеринбург, 2009), международной научной конференции «Мировые кризисы XXI века: причины, природа, альтернативы преодоления (Россия в глобальном контексте)» (Москва, 2009), международной научной конференции «Онтология и аксиология права» (Омск, 2009), всероссийской научно-методической конференции «Нравственная составляющая качества профессиональной деятельности и ее формирование в вузе» (Новосибирск, 2010), всероссийской научной конференции «Советская культура: эволюция идей и ценностей» (Санкт-Петербург, 2010), всероссийской научно-методической конференции «Образовательная среда как фактор качественной профессиональной подготовки» (Новосибирск, 2011), всероссийской научной конференции «Религиозная ситуация в российских регионах» (Омск, 2008, 2010, 2012), всероссийской научной конференции «Реальность. Человек. Культура: фундаментализм как тип мировоззрения.

Ореховские чтения» (Омск, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012), VI Российском философском конгрессе (Нижний Новгород, 2012), всероссийской научно-практической конференции «Смутные времена в истории России» (Омск, 2012), всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Культурное наследие и перспективы социокультурного развития России: визуальные формы межкультурных коммуникаций – прошлое и настоящее. Культурологические чтения 2012» (Екатеринбург, 2012), всероссийской научно-методической конференции «Опыт осуществления модернизации высшей школы: Идеи и рекомендации» (Новосибирск, 2013), всероссийском (с международным участием) научно-методическом семинаре «Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы» (Екатеринбург, 2013).

Структура и объем исследования

Текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, содержащего 375 наименований. Работа изложена на 301 странице компьютерной верстки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяется состояние разработанности проблемы, указываются методологические основы работы, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, а также научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «Становление и развитие идеи устойчивости» посвящена рассмотрению генезиса представлений об устойчивости в мировой интеллектуальной культуре.

В первом параграфе «Категории устойчивого и изменчивого в истории философии» указываются смысловые границы категорий устойчивости и изменчивости. Устойчивость понимается как свойство объекта сохранять отдельные качества и состояния независимо от воздействий внешних и внутренних факторов. Подчеркивается значимость идеи сохранения в естественнонаучном корпусе знания для выведения конкретных законов сохранения различных величин, состояний, объектов: законы сохранения энергии, массы, инерции, импульса, момента импульса, электрического заряда, барионного заряда, лептонного заряда, четности, странности. Фактически принцип устойчивости связывает в целостную методологическую базу ключевые научные принципы сохранения, симметрии, системности, равновесия, абсолютности и относительности. Категория устойчивости диалектически связана с категорией изменчивости – обе они обладают универсальной природой, служат характеристикой любых предметов, процессов и явлений неорганической и органической природы, социальной и антропной реальности. Проблема устойчивости отправляет мышление исследователя непосредственно к фундаментальной онтологической категории бытия, выражающей

стремление человека осмыслить мир как устойчивую упорядоченную целостность. Данная гносеологическая установка зиждется на присущей человеку вере в надежную стабильность основных законов мироздания. Метафизические концепции устойчивости создают основу не только научного мировосприятия, но и мировидения в рамках искусства, религии, других форм духовной культуры. Различные картины мира охватывают собой совокупность объектов определенного, сходного способа бытия, формирующих собой, соответственно, определенную реальность. При этом каждая картина мира исходит из специфического моделирования этой актуализируемой реальности, скрывающей за кажущимся, изменчивым, поверхностным подлинное, устойчивое, глубинное. Представления о существовании различных уровней бытия, развивавшиеся философами с древнейших времен, в современной философии коррелируют с различением множества реальностей, конструируемых в человеческой деятельности.

Трактаты древневосточных и античных мыслителей содержат в себе ценнейшие результаты наблюдений и размышлений о том, есть ли в изменчивом на поверку мире место незыблемым основаниям бытия, может ли текучесть окружающей реальности быть объяснена посредством понятий причины, источника, направления изменений. В связи с этими раздумьями на заре истории человечества формируются варианты понимания времени, развития, каузальности, целостности, формы, закономерности, упорядоченности, гармоничности и хаотичности.

Для разъяснения этих идей, во многом утраченных в их первоначальном виде, современным исследователям приходится обращаться к более поздним источникам: доксографическим фрагментам ранних натурфилософов, пифагорейцев и некоторым платоновским диалогам (например, космологическому «Тимею») в европейской традиции, трактатам «Дао дэ цзин», «Чжуан-цзы», своду священных текстов «Типитака» и сборникам «Упанишад» – в традиции восточной.

Наиболее ясно раскрывают космогоническое понимание устойчивости и изменчивости представления о хаосе и космосе. Хаос обозначает собой исходное состояние мира, предшествовавшее возникновению Космоса, он непредсказуем, враждебен богам и людям, тая опасность уничтожения миропорядка. В то же время он является неисчерпаемым источником энергии, питающей космос, а значит, Хаос не только смертоносен, но и животворен. Залогом устойчивости Космоса тут выступает его целостность, совершенство. Он мыслится в устойчивой форме – Мирового Яйца, сферы, Великого Предела, объединяющего Ян и Инь. В свою очередь Хаос связывается с символом воды (бездна, мировые воды, праокеан), что подчеркивает его бесформенность с одной стороны и способность образовывать формы – с другой. Символы сферы, Мирового Яйца, воды крайне распространены в мировой культуре.

Поиск представлений об устойчивости и изменчивости у отца западной онтологии – Парменида – относит нас к четкому различению бытия (чистой

позитивности, неизменности) и небытия (чистой негативности). Представление о связи устойчивости миропорядка с формой, пределом (возникшим в беспредельном) находит свое развитие у Платона и Аристотеля.

В средневековом сознании изменчивость мира трактуется как выражение не стихийных процессов борьбы противоположных сил, а воли персонифицированного Бога – вынесенного за пределы природы ее творческого начала.

В пантеистических учениях, в частности, в философии Н. Кузанского, Бог из абсолютной личности превращается в онтологический принцип, обуславливающий динамику окружающего мира, и выражающий противоположность, диалектическую относительность и единство бытийных констант. Тожественность Бога и природы прописывает в своей натурфилософии и Дж. Бруно. Единая и бесконечная мировая целостность, образованная взаимодействием противоположностей, реализует собой принцип становления, находясь в постоянном процессе саморазвития.

В Новое время, преимущественно благодаря работам Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. В. Лейбница, Ф. Шеллинга развивается диалектика движения, сознания и материи, развивается принцип единой универсальной взаимосвязи предметов, явлений и процессов природы. Философия Г. Гегеля утверждает отсутствие конечного (устойчивого, оформленного) в чистом виде вне бесконечности (изменчивости, непрерывно рождающей и уничтожающей формы) – конечное имеет исключительно идеальную, абстрактную природу. Мировое духовное начало, гарантирующее устойчивость миропорядка, воплощается в вечно меняющихся формах, непрерывно воссоздающееся равенство. Эпохальным событием для классического рационализма вообще и для осмысления связи устойчивости и изменчивости в частности стала философия И. Канта. Кантовская установка, согласно которой именно познающий субъект определяет гносеологические границы объекта, конструируя его устойчивый модус, надолго стала методологическим посылом научного познания.

В конце XIX века – начале XX века проблема поиска устойчивых оснований в изменчивом мире связывается с открытием радиоактивности А. А. Беккерелем и возникшим сомнением в существовании элементарных неделимых частиц, экспериментальным подтверждением теории электромагнитных волн и отказом от признания вещества с его механическими свойствами в качестве единственной реальности, созданием специальной теории относительности А. Эйнштейном, развитием квантовой механики М. Планком, В. К. Гейзенбергом, Э. Шредингером, Н. Бором. С переосмыслением статуса наблюдателя рождается новая рациональность. Научная революция XX века продемонстрировала слабость детерминистского взгляда на мир, потребовав переработки понятий причины, закона, стабильности и нестабильности. Наиболее значимой характеристикой бытия становится его процессуальность, данная человеку в опыте, который в свою очередь, по-

тенциально неисчерпаем, принципиально не завершаем, всегда таит непредвиденное. Ключевыми определениями реальности в постметафизической и диалектической философии современности становятся процесс, временность, становление, изменение, эволюция.

Рассмотрение эволюции представлений об устойчивости и изменчивости обнаруживает в итоге глубокие корни и сложный характер заявленной проблематики. В древних космологических сюжетах обнаруживаются идеи, созвучные с последними достижениями в области современного естествознания: представления о самоорганизации, о дуальной природе хаоса, о конструктивной роли необратимости, целостности и единстве взаимосвязанных противоположностей. Равенство взаимодействующих сил, равновесие представляется в истории философского понимания устойчивости как основной ее механизм.

Соответственно, *во втором параграфе «Равновесие как механизм устойчивости»* подробно рассматривается равновесие как способность тела сохранять свое устойчивое положение в состоянии как движения, так и покоя. Разработкой теории равновесия мы обязаны богатой традиции механистического сциентизма. Появившись впервые в статических и гидростатических исследованиях, проблема наличия в природе состояний устойчивости и равновесия распространилась во всех областях физики, инициировав, например, возникновение понятий динамического равновесия, гидродинамической неустойчивости, устойчивой орбиты, неравновесного газа, равновесного излучения, стабильного изотопа. Расширяя сферу своей применимости, рассматриваемые категории обнаруживают себя в научных дискуссиях за рамками решений физических или инженерных задач. Химия исследует условия протекания колебательных реакций; биология – устойчивое существование сложных органических соединений; математика разрабатывает теорию катастроф, раскрывающую, в свою очередь, конструктивное значение неустойчивых процессов. В 70-е гг. XX в. на естественнонаучном фундаменте появляется новое дисциплинарное направление, которое изучает упорядоченные структуры, возникающие в неустойчивых системах, – синергетика, привлекающая внимание широкого круга исследователей к неравновесным состояниям и различного вида неустойчивости, приводящим к созданию качественно новых явлений и объектов.

Уже в XVII в. успех естественнонаучного знания, отразившийся в стремительном техническом прогрессе и существенных изменениях общественной жизни, спровоцировал попытки рассмотрения общества как равновесной системы, а в XIX в. – заимствование институционализирующимся гуманитарным знанием некоторых терминов и методов физических исследований. Эволюционизм – принцип, к которому приходит позитивная наука XIX в. в поисках логики установления универсального порядка в мире – инициирует всплеск исследовательского внимания в социальном знании к законам, динамике и принципам социального порядка. Социологи включа-

ются в общенаучное осмысление процесса развития с апелляцией к проблемам организации и дезорганизации, порядка и хаоса, части и целого, простого и сложного. Они стремятся оперировать общенаучным методом, основывая достоверность своих заключений на фактах, в чем ясно видится влияние естествознания.

С XVII века зарождается целостное эволюционное представление процессов генезиса, развития и упадка устойчивых сообществ, проявляется стремление эксплицировать логику исторического развития. Показательна в этом плане «наука об общей природе наций» итальянского философа позднего Возрождения Дж. Вико, согласно которой устойчивый порядок в обществе гарантируется господством аристократии во главе с монархом, а демократия чревата гибельными изменениями.

Важным аспектом проблемы равновесного социального порядка в социологии XIX в. представляется конструирование окончательного идеального образа социума, который может быть реализован в общественно-исторической практике как результат позитивного преобразования имеющегося общества. Наиболее колоритно эти идеи воплощаются в утопических построениях Ж. А. Кондорсе, К. А. Сен-Симона. Механистическое миропонимание, доминирующее в философии Нового времени, приводит Б. Спинозу, Т. Гоббса, Г. Лейбница, Ш. Фурье к следованию в социально-философских рассуждениях строгим образцам физико-математической логики, к убежденности в возможности достоверно просчитать на основе универсальных закономерностей мироздания гармонизацию общественных отношений и равновесие социальных сил.

К XIX веку становится очевидной недостаточность объяснения социального равновесия посредством редукции к простым механистическим принципам. Равновесие физических систем служит образцом объяснения общественной целостности и функционирования вплоть до появления в работах О. Конта, Г. Спенсера, В. Парето, Т. Парсонса идеи органической природы социальных систем. Это стало закономерным следствием развития познания органической природы, открывшим новые горизонты осмысления социального равновесия. Общество уподобляется в представлениях мыслителей не механизму, а организму. Значительный вклад в формирование общей теории систем и теории организации общества в соответствии с принципом равновесия внесли русские мыслители А. А. Богданов и Н. И. Бухарин.

Во второй главе «Основные онтологические модели статической и функциональной устойчивости» представлены модели устойчивости начального уровня организации, с соответствующими признаками равновесности, симметрии, строгой структуры, закрытостью внешним воздействиям.

В первом параграфе «Кристаллизация в природе и обществе» дается обоснование выбора метода моделирования в исследовании устойчивости и многообразия ее форм. В качестве рабочего используется определение В. А. Штоффа модели как системы мысленно представляемой или матери-

ально реализованной, отображающей объект таким образом, чтобы предоставить новую информацию о нем. В рамках данной работы речь идет о моделях как идеальных конструктах, служащих и предметом и средством исследования. Модели устойчивости служат, с одной стороны, обобщающей формой знаний о некоторых модусах устойчивости, способах ее установления и сохранения. С другой стороны, способствуют формированию гипотетических предположений о допустимых вариантах воздействия на устойчивый объект или перспективах его изменений. Третья сторона моделирования устойчивости мира заключается в трансляции сведений из одной области реальности (физической, биологической, социальной) в другие области, способствуя формированию универсальной модели, единой картины мира. Кроме того, выделенные модели устойчивости мира способны реализовывать свои конструктивные функции при создании произведений искусства, принятии социальных управленческих решений, воспитательном воздействии на личность. Моделям присваивается метафорическое обозначение, позволяющее сделать изучаемый объект узнаваемым и воспринимаемым в виде целостного образа.

Исследование кристаллической модели устойчивости позволяет раскрывать свойства твердых тел в их многообразии, повсюду окружающих человека. Под кристаллом понимается регулярное множество составляющих его элементов, образующих строгую структурную симметрию. Основными признаками кристалла являются:

- 1) абсолютный порядок пространственного расположения образующих его частиц, обуславливающий специфическую форму кристалла,
- 2) тождественность углов аналогичных граней всех кристаллов одного вещества, независимо от условий их роста,
- 3) симметрия, связанная с пространственной периодичностью расположения составляющих объект элементов,
- 4) определенность характеристик кристаллов их решетчатой структурой, которая может быть различной у кристаллов, образованных одним веществом,
- 5) пространственный ритм: кристаллическое формообразование происходит от центра («зародыша») к периферии путем повторяемости фрагмента кристаллической решетки.

Кристаллизация являет собой критическое состояние вещества, поскольку ей предшествуют и выступают ее причиной перенасыщенные фазы, связанные с резким увеличением плотности субстрата. Как механизм установления устойчивости кристаллизация является репродукцией одной и той же системы. Например, у человека особа значима в процессе его личностного формирования память как устойчивое основание постоянства его характеристик. Различные психические и поведенческие образования сохраняются во времени и расширяют сферу своего влияния, проявления (подобно центробежному росту кристалла) за счет различных областей приложения

человеческой активности. Так во взрослой жизни человек выстраивает свой жизненный путь в соответствии со многими устойчиво закрепившимися в его сознании с детских лет установками и ориентирами, которые в ранние годы жизни еще не могли воплощаться в широком диапазоне индивидуальной деятельности.

Таким образом, можно констатировать широкую и успешную применимость термина «кристаллизация» не только к явлениям неорганической и даже органической природы, но и к нематериальным аспектам человеческой жизнедеятельности, его качествам. В психогенезе, духовной культурной преемственности поколений людей наблюдается то же единство форм при воссоздании тех или иных структур, что и в формировании белковых тканей и живых организмов, наблюдаемых в филогенезе. Поскольку термин «кристаллизация» указывает на формирование устойчивого образования, воспроизводство строго заданной структуры и развитие полученного объекта по направлению от центра к периферии, постольку продуктивно его использование в социологическом дискурсе. Современный социум характеризуют сложная структура, неустойчивое, чреватое различного рода конфликтами, функционирование. Кристаллизация становится одним из решений в моделировании способов достижения оптимального общественного состояния, минимизации риска и неопределенностей развития. «Зародышем» кристаллической модели общества может выступать синкретическое единство норм, идей, соответствующих им действий.

Модель кристаллизации узнаваема в лингвистических процессах коммуникативного, дискурсивного смыслообразования. Соответственно, термин «кристаллизация» применим в герменевтических исследованиях языка для обозначения техники понимания.

Сходные признаки морфогенеза на микро-, мезо- и макроуровне в неорганических, биологических, технических системах выявляются и в приложении доводов кристаллографии к архитектурному искусству: физико-математические концепции организации пространства находят прямое применение в архитектурном конструировании и дизайне.

Перспективы исследования кристаллической модели устойчивости открываются изучением природы и свойств квазикристаллов.

Кристаллизация становится образным, метафорическим обозначением простейшего механизма установления устойчивости в неорганической, органической и социальной природе. У всего ставшего, устойчивого есть определенные границы, подобные граням оформившегося кристалла. Говоря о каком-либо объекте, что он кристаллизуется, мы имеем в виду приобретение им устойчивого модуса и неизменной структуры, его окончательное оформление. Кристалл служит одним из самых показательных примеров равновесности, относясь к закрытым системам. Как равновесная структура кристалл представлен в одном состоянии и нуждается для перехода в иное состояние в радикальных изменениях граничных условий. Кристалл нечув-

ствителен к стихийным микроколебаниям (флуктуациям – в терминах синергетики) и морфогенетически определяется линейными зависимостями. Соответственно, кристаллизация как механизм устойчивости возможна лишь при вероятности сохранения структуры (фрагмента) объекта и статичной формы его существования.

Во втором параграфе «Устойчивое и изменчивое в Мегамашине» анализируется модель устойчивости, соответствующая механистической картине мира – Мегамашина. Механистическая картина мира, ставшая плодом возникшей в Новое время классической науки, стала первым отображением ясного сугубо научного представления устойчивости и изменчивости, порядка и хаоса. Четко определенное понятие устойчивости воплощается в теоретической модели мира как машинного механизма. Это миропонимание приходит на смену космогонической и натурфилософской традициям, конструирующим картину мира на основе естественных законов природы, в то время как механицизм закладывает в основу мира законы, аналогичные принципам функционирования искусственных технических устройств. Методологический универсализм, исходя из тезиса о целостности мироздания, требует распространить законы классической механики, успешно воплощавшиеся в создании технических устройств, на описание и объяснение всех доступных познанию природных явлений, социальной организации и жизни человеческого организма.

Секуляризация культуры и различных сфер общественной жизнедеятельности обусловила необходимость экспликации основ мирового и социального порядка, стабильности безотносительно к сакральным смыслам. Надежной базой для выполнения этой задачи становится стремительно развивающееся естествознание.

Проблема мирового и социального порядка рассматривалась сквозь призму классической механики Т. Гоббсом, П. Гольбахом, Р. Декартом, Ж. О. Ламетри, П.-С. Лапласом, Г. В. Лейбницем. Понятие «Мегамашина» как метафорическое обозначение модели устойчивости встречается в работах американского социального философа Л. Мэмфорда, использующего данный термин для объяснения механизма функционирования общества.

Устойчивость объективируется в модели Мегамашины, идентифицируемой следующими признаками:

- 1) масштабностью выполняемых задач, и соответственно, гигантским количеством задействованных трудовых ресурсов;
- 2) масштабностью самой Мегамашины;
- 3) утратой полноты жизни людьми, составляющими механизм Мегамашины;
- 4) разделением труда;
- 5) принудительным характером труда, подавляющим человеческий дух;
- 6) неограниченной властью «царя», узурпирующей волю людей, которые «комплектуют» собою механизм;

7) религиозными предписаниями и мистической подоплекой, укрепляющими власть, которая инициирует работу Мегамашины;

8) жестким бюрократическим аппаратом, делающим возможным безоговорочное подчинение всего механизма одной воле без промедления;

9) общей регламентацией, не допускающей самоуправление;

10) неустойчивостью Мегамашины в перспективе.

Необходимо особо подчеркнуть, что механистическое решение вопроса социальной устойчивости не предусматривает никаких изменений со временем в социуме, как и в машине. Любое изменение приводит к «поломке» существующей структуры, утрачивающей устойчивость ввиду своей негибкости.

Феномен Мегамашины порожден самим ходом развития человечества. Ранние формы упорядочивания жизни общины – ритуал, обычай – получили свое исторически требуемое развитие в форме «большой машины». Если критическое осмысление «машинности» человеческой цивилизации, представленное в работах Мэмфорда, подкрепить синергетической методологией, то с необходимостью возникает вывод о бесперспективности подобного типа организации общества. Общество определенно являет собой сложную динамичную открытую систему, состоящую из множества посредственно и опосредованно взаимодействующих подсистем, претерпевающую внутренние процессы развития, обменивающуюся с внешней средой (также изменчивой) веществом, энергией, информацией. Такие системы не подчиняются всецело механическим закономерностям. С онтологической точки зрения ни один объект высокого уровня организации бытия не может быть редуцирован к предыдущему, более низкому уровню.

Преодоление машинного способа организации общества представляется, соответственно, в отказе от принципов Мегамашины. То обстоятельство, что наибольшие достижения с помощью Мегамашины были достигнуты в делах войны и разрушений, утверждавших в иллюзиях о собственном всеведении и всемогуществе ее руководителей, побуждает Л. Мэмфорда говорить о необходимости деконструкции этого социального изобретения.

Не лишенный очарованности величием и сложностью описываемого изобретения, американский мыслитель акцентирует внимание на уникальной, тонко организованной сущности человека. При всей механичности схем социального взаимодействия, при всей ориентированности на практический результат человек – это больше, чем *homo faber*, он – *homo sapiens*. Как мыслящее существо, человек отличается не столько способностью к сложной предметно-орудийной деятельности, сколько духом, названным Л. Мэмфордом основой «человечности» человека. Все технические достижения человека в меньшей степени ориентированы на увеличение количества пропитания или даже на контроль природы. Они нацелены на реализацию безграничного творческого потенциала человека, его особой органической природы, и служат воплощением этой природы, выражением внеорганических потребностей и устремлений людей.

Задачи конструирования социальной устойчивости механического типа объединены высшей антропологической целью выживания в границах необходимости, заданной природными и социальными условиями. Однако выживание – задача, с которой успешно справляются планетарные формы жизни, не обладающие богатством человеческой природы, в частности, его разумом, волей, сложноорганизованным миром чувств. Выживание как цель по своей простоте и примитивности не соответствует потенциалу человека и не объясняет все историческое разнообразие наследия человеческой культуры и цивилизации. Научные и философские абстракции, диапазон архитектурных стилей, музыкальных направлений, живописных средств, литературных конструкций – так ли это все необходимо для сохранения жизни индивида и человеческого вида? В рассуждениях Л. Мэмфорда о практиках экспериментирования древнего человека с собственным телом (татуировки, шрамирование, выбивание зубов, прокалывание различных частей тела) содержится указание на то, что данные действия скорее усложняли непосредственно выживание, были нагружены сложными мистическими смыслами, свидетельствуя о стремлении человека диктовать природе собственные условия при всей их кажущейся неприемлемости. Редукция явлений человеческой жизнедеятельности к простым законам неорганической природы препятствует пониманию явлений немеханического порядка, что убедительно доказывает, например, Г. В. Ф. Гегель в своей «Науке логики». Онтология, базирующаяся на принципах механистической необходимости, предполагает обеспечение устойчивости согласованным функционированием всех элементов целостной системы. Для функциональной устойчивости свойственна неизменность, отсутствие развития как самой системы, так и внешних условий, в которых она существует. Социум же представляет собой систему качественно иного уровня сложности организации, которая может сохраняться лишь при условии способности внутреннего роста и адаптации к внешним изменениям. Поскольку научная картина мира состоит из знаний о предметах и связях между ними, подлежащих исторической изменчивости, росту, постольку соответствующая механистической картине мира «машинная» социальная организация исчерпала свой потенциал.

Третья глава исследования «Устойчивость самоорганизующихся и саморазвивающихся систем» посвящена особенностям устойчивости и изменчивости, воплощенным в наиболее сложных по степени организации моделях.

В первом параграфе «Устойчивое и изменчивое в эволюционирующей природе» раскрываются принципы эволюционизма, обуславливающие взаимосвязь устойчивого и изменчивого в существовании живого. Если внутреннее постоянство и стремление системы к равновесию и стабильности фиксируется термином «гомеостазис» (от греч. *homoios* – подобный и *stasis* – неподвижность), то сохранение большинства систем в мире, предрасположенных не к статическому существованию, а к динамике, обуслов-

ленной, как минимум, изменчивостью внешних обстоятельств, раскрывается понятием «гомеокинезис».

Понятие «самоорганизующиеся системы» возникает в понятийном аппарате кибернетики и в дальнейшем обогащает свое смысловое содержание при включении в контекст иных общенаучных теорий. В кибернетическом ключе самоорганизация представляется как способность систем значительной сложности к переходу в оптимальное состояние в ответ на изменения окружающей среды. Использование понятия самоорганизующихся систем подразумевало определенную независимость кибернетической системы от руководящего ею человека, что сложно естественным образом вписать в теорию управления. Относительно сферы социального управления отмечается необходимость различения систем, основанных на процессах морфостаза – погашения отклонений, и систем, в которых действуют процессы усиления отклонений – морфогенеза. Применение к морфогенетическим системам норм, действующих в системах морфостатических и наоборот приводит к результатам, противоположным ожиданиям. Так, Н. Луман отмечает, что эволюция общества идет вразрез с целенаправленной реализацией идеи всеобщего равенства в силу того обстоятельства, что незначительные, казалось бы, исходные различия людей в воспитании или физических возможностях усиливаются в различных социальных подсистемах, существенно увеличивая социальную дифференциацию.

Раскрытие природы труднопрогнозируемого поведения морфогенетических систем осуществляется посредством обращения к понятиям автопоэзиса и самореферентности. Автопоэзис («самосотворение») означает принцип организации живых существ (и в особенности – человека), в котором продукт и его производитель слиты воедино: продукт производится сам собою, производитель производит себя. Самореферентность заключается в сопоставлении субъектом внешней среды с внутренними аналогиями, субъективации окружающего мира, его превращении во внутренний мир системы, наделяющей его собственными смыслами. Фактически самореферентность свидетельствует о семантической замкнутости системы, самостоятельно генерирующей смыслы наблюдаемых явлений. Соответственно в таких образованиях значима для существования не столько связь с внешним миром, сколько внутренняя связь элементов и подсистем, согласованность действий которых определяет жизнеспособность целостности. Внешний мир становится источником множества возможных модуляций, выбор которых системой определяется ее организационным принципом в процессе структурных пертурбаций. Следовательно, невозможно установить влияние внешних факторов на систему, не прогнозируема реакция системы на одни и те же факторы, так как не может идти речь о реакциях в строгом смысле этого слова. На основе этих представлений рождаются управленческие теории нового порядка, подразумевающие отказ от детальной организации в пользу частичной или проектной. Естественная, неочевидная для управлен-

ца динамика системы сама приводит систему в необходимое состояние устойчивости, не без влияния ошибок функционирования и случайных мутаций, становящихся факторами коэволюции руководящего и руководимого.

Развитие кибернетической методологии осуществляется в направлении от представлений об устойчивости, родственной механистической равновесности, к представлениям об устойчивости образца биологического морфогенеза, модель системы-машины сменяется моделью системы-организма. При этом в фокусе внимания кибернетиков остаются проблемы стабильности, самосохранения замкнутых систем как факторов системного упорядочивания. Идентичность, устойчивость объекта связывается с его способностью в процессе самоорганизации гасить внутренние флуктуации, нивелировать внешние воздействия, замыкать систему на ее собственных циклах и сохранять таким образом неизблемость своей структуры. Такая специфика подхода обусловливается сущью кибернетических задач – управлением техническими системами, работа которых не предусматривает отклонений от заданного инженерами режима. И здесь обнаруживается коренное отличие от другого междисциплинарного подхода к пониманию устойчивости и изменчивости – от негэнтропийной трактовки упорядочения, осуществляемого посредством нарушения стабильности и равновесия системы.

В рамках общей теории систем отмечается большое богатство форм развития, соответственно – большая степень неопределенности и разнообразие внутренних импульсов. Вероятность реализации возможности в действительность связана с критическими состояниями системы, в которых небольшие изменения могут вызвать коренные преобразования. Фактически неуправляемая в критический момент эволюция системы служит объектом исследования теорией катастроф, установившей, что для улучшения состояния нелинейной системы требуется значительное изменение параметров, так как при недостаточно сильном воздействии она в отличие от линейной системы будет обнаруживать мощные тенденции возврата к исходному режиму. Применительно к социальным системам выявленная закономерность объясняет безуспешность множества политических и экономических реформ.

Учитывая недостаточность единого системного подхода, отдельные системологи дифференцируют системные методы, выбор которых определяет состояние конкретного объекта. Например, Р. Л. Флад и М. С. Джексон разработали типологию системных методов, в которой насчитывается пять основных приемов мышления, явленных в метафорической форме и охватывающих всю теорию организации и управления. Согласно этой типологии выделяются метафоры: механистическая, органическая, нейрокибернетическая, культурная и политическая в зависимости от свойств означаемых ими объектов.

В исследовании эволюционирующих систем синергетика образует своеобразную разделительную линию между классической наукой, уделявшей ключевое внимание устойчивости и равновесию как характеристикам

изучаемых ею объектов – линейных соотношений, замкнутых систем, вкуче с неклассической наукой, допускающей релятивность миропонимания в разных дисциплинарных областях знания с одной стороны, и постнеклассической наукой с другой стороны.

Во втором параграфе «Мир как Мегаорганизм» эксплицируются признаки модели устойчивости эволюционирующих объектов. В XX веке биология, существенно обогатившая свои представления о живом, приобретает статус теоретически развитой науки. Укрепление положения биологии в научной иерархии способствовало соответствующему разрешению обострившихся противоречий между эволюционным и термодинамическим описанием процессов в мире. Эволюционизм резонно утверждал непрерывное усложнение живых систем, служащее их самосохранению, в то время как траектория физических процессов приводит устойчивую закрытую систему в состояние равновесия и термодинамической смерти.

Предметы биологической и социальной природы в ходе существования, в силу своей открытости внешним факторам, сталкиваются с необходимостью адаптации к динамичным условиям внешней среды и формированием в своих структурах новообразований, связанных с новыми свойствами. Это своеобразная прогрессивная линия развития (от низшего к высшему, от простого к сложному) по сравнению с регрессивной линией развития неорганических объектов. Эволюционная модель представляет Вселенную развивающуюся не по пути упрощения и распада, а по пути усложнения организации. Формируется понимание закономерных природных и социальных процессов как до конца не предсказуемый человеком отбор вариантов из альтернативных возможностей. Следовательно, каждая открытая динамическая система осуществляет существование посредством постоянного не жестко детерминированного выбора состояний, тем самым обеспечивая свою устойчивость во времени. В таком ракурсе предстают в современной биологии установленные Ч. Дарвином свойство изменчивости организмов, принцип эволюционного отбора и сохранение идентичности динамической системы с помощью наследственности.

В объяснении феномена самоорганизации прибегают к описанию адаптационных механизмов (не вызывающего к возникновению качественно новых свойств организма), бифуркационных механизмов (вызывающих кардинальное переустройство органической системы) и механизма экономии энтропии, обеспечивающего большей устойчивостью сложные системы, чем простые, в силу наиболее эффективного использования первыми внешней энергии.

Отмечая особенности мировидения, выражаемые метафорой организма, необходимо обозначить отличия организма от неорганического (как вариант – механического). И здесь традиционно указываются следующие качества и свойства:

1) собственно органическое образование имеет сложный химический состав, включающий в себя белки и нуклеиновые кислоты;

2) будучи открытыми системами, организмы обмениваются с окружающей средой веществом, энергией и информацией, осуществляя питание, выделение и движение, формируя, таким образом, собственные ткани;

3) уже этимология слова «организм», восходя к латинскому «organizo» – «устройства», «сообщаю стройный вид», указывает на сложное строение и системную организацию живых объектов, демонстрирующих большую ассиметрию, высокую пространственно-временную упорядоченность, отнесенность отдельной особи к сложной общности вида и популяции;

4) устойчивость организма представлена сложной взаимосвязью его наследственности и изменчивости: организм сохраняет в рамках наследственности свою идентичность, передавая ее потомкам, и в то же время, реагируя на внешние условия, формирует новые свойства, определяющие в процессе дальнейшего наследования направление эволюции;

5) получая извне информацию, организмы реагируют на нее опосредованно и избирательно, зачастую – с опережением, обнаруживая качества самореферентных, аутопоэтических систем, что реализуется в высших формах организации живой материи в разумном самопознании и самоанализе;

6) живые организмы растут, увеличивая свои массу и размер, развиваются, переживая необратимые изменения в органах, тканях, клетках, и размножаются, обеспечивая воспроизведение собственного типа организации;

7) организм высокоэффективно использует энергию и на молекулярном уровне обнаруживает создание порядка из хаоса, ему свойственно противостояние росту энтропии и использование отрицательной энтропии из среды для обеспечения термодинамической неравновесности своей системы;

8) живой организм сохраняет свою устойчивость, переживая постоянные процессы изменений, усложнений, приводящих к возникновению новых структур, требующих в свою очередь положительную обратную связь, стабилизирующую систему. Для укрепления устойчивости используется отрицательная обратная связь. Так организм проявляет гибкие способности к саморегуляции и самосохранению.

Перечисленные особенности организмов отражаются, например, в определении жизни как постоянного процесса движения, связанного с синтезом, распадом, обменом энергией с внешним миром, ориентированного на самосохранение, репродукцию, наследование устойчивой идентичности в изменчивых условиях. Развиваясь в истории человеческой мысли с древнейших времен и до наших дней, органические метафоры именно на современной стадии зрелости науки развертывают свои эпистемологические возможности рассмотрения неравновесных состояний, непрогнозируемых ситуаций и индетерминированного поведения объектов, например, таких, как общество.

Приставка «мега-» в слове «Мегаорганизм» подчеркивает, что обозначаемый им устойчивый объект превосходит любой отдельно взятый организм по масштабам и возможностям. Метафора Мегаорганизма подчеркивает в понимании мира его естественную целостность, единство разнообраз-

ных незаменимых органов, связанных друг с другом не механически, а органично. Каждый орган в таком Мегаорганизме живет (а не функционирует) сообразно своей природе (а не указанию «инженера» извне) на благо общей целостности. Ритмы и содержание активности органов не всегда совпадают, но именно в таком виде обеспечивают устойчивость (и изменчивость во имя сохранения) Мегаорганизма. Будучи живым образованием, Мегаорганизм и его структурные компоненты в своем развитии не могут быть привязаны к жестким, раз и навсегда возникшим детерминантам, устойчивость и гармоничность их существования обеспечивается «интуитивным» поиском новых форм, способностью к своевременным качественным изменениям. Сами условия осуществления жизнедеятельности и процесс взаимодействия органов Мегаорганизма опосредованно обуславливают выбор дальнейшего направления их эволюции.

Аналогичное мировидение можно обнаружить в процессе моделирования устойчивого бытия в рамках такого вида миропостижения, как искусство, в частности – музыкальное – имеющее специальным предметом внимания феномен гармонии.

В третьем параграфе «Мир как Мегарынок» внимание фокусируется на модели устойчивости, допускающей еще большую изменчивость объекта при сохранении его существования и идентичности. Организмы всегда ограничены некоторым порогом адаптивности и множеством показателей жизнедеятельности – своеобразными границами существования организма, определяющими его устойчивость. Мир же открывает человеку все большие варианты пластичности. Рынок стал своеобразным символом самоорганизующегося мира, в котором постоянно и неизбежно существует хаос, сложно сопрягающийся с порядком, являющий корреляцию изменчивости и устойчивости. В 70-х годах XX века начинается стремительное развитие теории самоорганизации, рассматривающая процессы порядкаобразования из хаотической изменчивости, и фактически сконструировавшая онтологическое оправдание рыночных структур в обществе. Это явственно следует из работ представителей синергетического учения Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, обозначающих рынок как аналог хаоса в социальной сфере, понимая при этом под рынком все его конкретные ипостаси: и рынок труда, и рынок услуг, и рынок идей. Соответственно, относительно общественной устойчивости метафора Мегарынка (подразумевающая феномен больше рынка как такового) оказывается продуктивней, чем метафора Мегаорганизма.

Концепция рынка предполагает обладание каждым индивидом свободой критического мышления, которая наряду с демократией составляет фундамент идеи открытого общества. Устойчивость открытого общества заключается в его динамизме. Оно находится в постоянном взаимодействии с другими открытыми обществами, осуществляя обмен товарами, ресурсами, капиталами, идеями. Чем больше в такой системе разнородных элементов, тем сложнее и насыщеннее процессы саморегуляции, тем больше вари-

антов социального компромисса. В своей последней книге французский мыслитель Анри Бергсон отмечает, что открытое общество – это закономерная стадия развития некогда закрытого общества, сменяющая статическую мораль принуждения динамической моралью свободы.

Собственно стихийный процесс порядкообразования в рынке явлен в том, что его законы не устанавливают никакого конкретного порядка, а лишь предписывают условия достижения договоренности, компромисса между участниками Мегарыночного пространства в каждой отдельно взятой ситуации. При этом нет необходимости в целостном видении мировой устойчивости, так как мир в качестве Мегарынка фрагментарен: в нем множество ситуаций, сближающих определенных субъектов социального взаимодействия, и побуждающих их к созданию условий определенной ситуативной устойчивости. Все происходящее на рынке подвержено влиянию ситуации и зависит от установок и поведения участников. Три «столпа» рыночных механизмов: стоимость, конкуренция, связь спроса и предложения не оставляют шансов статичной устойчивости.

Здесь обнаруживается связь метафоры Мегарынка и постмодернистской интеллектуальной мысли, декларировавшей смерть всех устойчивых оснований (Бога, автора), некогда представлявших возможность зафиксировать некую данность, ясно, окончательно и недвусмысленно определив ее. Одна из ключевых установок постмодернистов – стирание границ. Граница же, предел, мера, обладающие формообразующим потенциалом традиционно служат основой сохранения идентичности объекта, фактором устойчивости в статичном ее понимании. Различение, а не тождество предмета самому себе привлекает внимание постмодернистов. Нет ничего безусловного и постоянного, существующего в неизменных рамках наличия. В постмодернистском интеллектуальном дискурсе, казалось бы, не может быть и речи о конструировании какой-либо целостной модели мира на основе универсальной картины мира. Невозможно сформулировать стержневую системообразующую идею, вокруг которой гармонично выстроилось бы мироздание. Не может быть проекта, в соответствие которому необходимо «подгонять» общество. Поняв законы механических явлений, мыслители тяготели к распространению принципов движения материальных тел на организацию социального взаимодействия и объяснения психических процессов. Обнаружив сложные феномены природы, не укладывающиеся в освоенную схему линейных детерминант, резонно обратится к объяснительной модели организма. Так, каждый раз научный дискурс вырабатывает свою терминологию и методологию познания мира, дающую возможность формировать идеальный символический образ познаваемого объекта. Создаваемый образ объекта становится тем полнее, чем больше вариантов его определения обнаруживается. Этот процесс в деконструкции бытия неостановим. Феномен определения соответствует стремлению интеллекта к простоте, законченности. Но мир не прост и не знает пределов, соответственно, рациональность, по

мысли постмодернистов, ведет исследователя путем простых решений, законченных определений к заблуждениям.

Эта модель устойчивости основана на понимании общества как принципиально открытой системы, существующей по принципу свободы взаимодействия элементов, децентрализации протекающей в ней процессов, не подлежащих подчинению какому-либо проекту. На протяжении тысячелетий человеческой истории обеспечение общественной устойчивости связывалось с максимально жестким иерархическим порядком, позволяющим, прежде всего, контролировать распределение ресурсов. Но чем жестче порядок, обеспечивающий стабильность общества, тем ближе общественная система к распаду ввиду неспособности адаптироваться к меняющимся условиям развития, требующим гибкой и сложной структуры. Е. А. Седов, обращая внимание на обреченность жестко детерминированной системы и неэффективность системы полностью разобщенной, предложил формулу соотношения разобщенности (бесконтрольности со стороны централизованной власти) и детерминации в обществе как 20% к 80%.

Противопоставляя универсальности теоретического конструкта универсальность субъективности, модель Мегарынка воспроизводит пусть мозаичную, но, тем не менее, целостную картину социального мира – картину, сложившуюся посредством естественного согласования непосредственной повседневной деятельности всех, кто проживает свою жизнь в этом социуме. Подвижная ткань социального бытия, образуемая не только прямыми детерминациями, определяет соответствующий методологический отбор средств ее познания, ориентир на разнообразие форм рациональности (связанные с бесконечным диапазоном вариантов человеческого поведения), специфику понятийного ряда с открытым горизонтом значений.

Мегарынок как модель устойчивости прямо противопоставлен модели Мегамашины. Внутренние источники развития Мегарынка не управляются из единого центра, а рассеяны, приближены к непосредственной практике жизнедеятельности, по поводу которой субъекты сами компетентны принимать решения. Соответственно, Мегарынок предполагает доминирование горизонтальных связей над вертикальными. Устойчивость Мегарынка не допускает замкнутости, поддерживается постоянным обменом информацией, энергией и ресурсами с окружающим ее миром. Отношение Мегарынка к авторитету силовых структур (в отличие от милитаризированной Мегамашины) выражено включением таковых во всеобщую шаржевую игру символов, примером чего может служить знаменитое граффити Р. Бэнкса, изображающее двух целующихся констеблей. Регламентация в свободной самоорганизации Мегарынка малоэффективна, ввиду ее быстрого устаревания в стремительно меняющихся ситуативных социальных взаимодействиях. Нормативная правовая база Мегарынка не проста, а формируется и усложняется по мере формирования и усложнения самого процесса общественной жизнедеятельности.

Обе модели в различной степени явленности обнаруживаются исследователями на разных стадиях существования общества: когда оно формирует новый порядок, в нем преобладают признаки самоорганизующегося Мегарынка, когда социум пытается и готов сохранить освоенную форму устойчивости, он тяготеет к централизованному регулированию всех областей своей жизнедеятельности, демонстрируя качества Мегамшины. В силу метафоричности Мегарынок не связан напрямую с рыночным типом экономики как таковым. Так, консервативная идеология может призывать к защите незыблемых устоев рыночного типа хозяйствования, защищая интересы крупных собственников, снижая эффективность амортизационных социальных средств государства, кристаллизуя жесткую иерархичность в обществе.

В четвертом параграфе «Мир как Мегакосмос» обосновывается мысль о возможности применения к каждому отдельно взятому системному объекту в мире той или иной модели в определенной мере на основании сходства идентификационных признаков. Все конструируемые модели могут иметь эвристический потенциал по отношению к конкретной системе в конкретной ситуации, могут сменять друг друга и сочетаться в различной степени представленности свойств. При этом все существующие системы, вне зависимости от известности человеку и прочих качеств, существуя в своих пространственно-временных координатах, объединены единым глобальным условием своего развития – Мегакосмосом, теоретическое воспроизведение которого в современном научном нарративе возможно посредством всех представленных моделей.

Космос, который рассматривался в древних космогониях как исходное начало и состояние окружающего человека упорядоченного мира, в новых условиях эволюции науки, философии, искусства приобретает особое значение как гармоничная целостность, отличаемая актуальными в нашем исследовании характеристиками. Прежде всего, речь идет о *множественности* явлений, процессов, подсистем, составляющих это мегаединство. Каждый феномен, вмещаемый в себя Мегакосмосом, обладает собственной природой и темпами развития, удивительным образом сочетаясь с другими элементами этой гигантской гетерогенной среды. Разнообразные подсистемы *рассеяны* в Мегакосмосе, не подчиняясь в своем существовании некому началу, находящемуся за пределами Мегакосмоса и определяющему проект существования Мегакосмоса. Мегакосмос содержит в себе источники и факторы своего развития. В нем нет жесткой вертикали соподчинения элементов кроме условно выделяемых носителем познающего разума – человеком – уровней организации подсистем. Согласно этой картине структурных слоев, все Мегакосмическое единство подчинено действию безличностных закономерностей физического характера, та часть элементов, которая характеризуется качеством жизни, подчинена еще и действию биологических закономерностей. Сложнейший уровень Мегакосмоса, выделяемый в среде живых организмов наличием разума и самосознания, подчинен действию фи-

зических, биологических и социальных законов. В отдельности выбранные для анализа фрагменты Мегакосмоса являют собой самоорганизующиеся системы. Модель Мегакосмоса в целом воплощает собой требование поддержания междисциплинарных связей в корпусе современного научного знания, обусловленных в свою очередь, необходимостью формирования единой научной картины мира.

Фактически Мегакосмос демонстрирует одновременно на примере разных систем все модели устойчивости, выделенные выше. Обращение к метафорической терминологии при моделировании устойчивости позволяет отразить ориентир современной науки на гибкость языковых средств, позволяющих выразить различные формы рациональности. В размышлениях немецкого экзистенциалиста М. Хайдеггера встречается установка на выявление изначального переживания действительности человеком, предшествующего ее предметному восприятию. Преодоление ограниченности «чтойности» современного мышления лежит через признание искусственности научного инструментария и понятийного языка, их вторичности по отношению к экзистенциальным переживаниям человека, существующего в мире значимостей. Именно эта эмоционально-чувственная, аксиологическая составляющая человеческого мировосприятия отображается в языке метафор, столь востребованному современными научными коммуникациями. Отчасти понятие Мегакосмоса отвечает призыву великого философа обратиться к первобытной, донаучной картине мира. М. Хайдеггера вдохновляла идея Платона о том, что общество надлежит преобразовывать по образу и подобию упорядоченного Космоса. Фундаментальное понятие древнегреческой онтологии содержит в себе смыслы, утратившие значимость в результате исторического торжества идеалов Просвещения. По замечанию другого экзистенциального философа Г. Марселя, именно свершившаяся секуляризация вызвала к жизни сотворенных кумиров, идолов разума, нацизма и классовых интересов.

Самоорганизующийся Мегакосмос, как автопоэтическая система, не подчиняющаяся плану извне, не подлежит и детерминационному воздействию со сторон человека. Познающий субъект фактически признает формированием данной модели, что ему не дано абсолютное предвидение развития наблюдаемых им процессов, разворачивающихся в мире как Мегакосмосе. Это обстоятельство актуализирует еще один древний космологический смысл человеческой жизнедеятельности, согласно которому человек, выражаясь языком теории самоорганизации, является саморазвивающейся системой в саморазвивающемся мире. Это значит, что человек – не марионетка в постановке, режиссируемой высшими силами, подобно, например, средневековым представлениям, но и не успешный покоритель природы, не всемогущий вершитель судеб мира, как позволила человеку ощущать себя идеология Просвещения и Нового времени с сопутствующим ей научно-техническим прогрессом, трагически развязавшим руки хомо сапиенсу.

Свое существование человеку необходимо выстраивать в соответствии с законами Мегакосмоса, как универсального миропорядка, находя в своем бытии соответственные онтологические, этические и эстетические основания конструирования устойчивости. Мегакосмос как самое большое по объему понятие из метафорического ряда моделей устойчивости демонстрирует идентичность процессов упорядочивания, установления и сохранения устойчивости на всех известных уровнях организации мира: в природе, обществе, жизни человека. Оно позволяет в многообразии спонтанных и детерминированных явлений различать универсальные алгоритмы морфогенеза. Путь познания Мегакосмоса лежит не только через этап накопления и проверки знаний об окружающей действительности, но и нахождения смыслов, осознания логики самоорганизации человека и Вселенной, обращения к предельным основаниям человеческого бытия.

Понятие Мегакосмоса акцентирует в познании мира его устойчивую целостность. В изолированных системах, исследуемых, например, механикой и термодинамикой, возрастает тенденция упрощения и деградации, в то время как энергия Вселенной в целом постоянна. Перенос выявленную закономерность на существование одинокого человека или блокируемых (самоизолирующихся) государств, можно обнаружить все те же деструктивные следствия.

Современный человек во многом преодолел пределы *космической предзаданности* (ведь достигнутый уровень независимости от сил природы вызвал увеличение и продолжительности жизни, и уровня ее комфортности), *социальной машинности* (как минимум, возможен переход из одной социальной группы в другую). Вместе с этим он приобрел возможность истинно творческого моделирования мира, создания гносеологических и мировоззренческих конструктов, применимых к конкретной природной и социокультурной ситуации. Модель Мегакосмоса означает возвращение к космосу на новом витке, уравнившим понимание человеком своей роли в мироздании. «Я» в этом ключе с одной стороны подчинено доминирующей модели мира, с другой – определяет свою индивидуальную модель мировидения. В обозначаемой модели Мегакосмоса к тому же вновь акцентируется внимание на организованности, упорядоченности мира, в которой этимологически укоренено вообще понятие космоса, что расставляет акценты в понимании взаимосвязи устойчивости и изменчивости бытия после вымывания всех определенностей иррационалистической философией, прежде всего, постмодернизмом. «Смерть Бога» не привела к низвержению мира в беспросветный хаос, «смерть субъекта» не сняла с человека ответственности за осмысление бытия и конструирование мировидения.

В **заключении** подводятся итоги исследования, излагаются основные его результаты, намечаются перспективы дальнейшего исследования ситуационной проблематики.

Список публикаций по тематике диссертационного исследования:

1. Статьи в журналах, рекомендованных ВАК для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук:

1. Руди, А. Ш. Внутриличностный конфликт в поле философских исследований / А. Ш. Руди // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2006. – № 10 (49). – С. 81–86.

2. Руди, А. Ш. Конфликтогенность глобального мира / А. Ш. Руди // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 20 (201). – С. 8–10.

3. Руди, А. Ш. Язык в коммуникативных алгоритмах разрешения противоречий / А. Ш. Руди // Ценности и смыслы. – 2010. – № 6 (9). – С. 120–133.

4. Руди, А. Ш. Влияние модели мира на устойчивость и изменчивость «Я» / А. Ш. Руди // Ценности и смыслы. – 2011. – № 2 (11). – С. 47–53.

5. Руди, А. Ш. Устойчивость бытия в музыкальном мировосприятии / А. Ш. Руди // Ценности и смыслы. – 2011. – № 6 (15). – С. 24–31.

6. Руди, А. Ш. Когнитивные противоречия в формировании конфликтоустойчивости / А. Ш. Руди // Философия образования. – 2011. – № 2 (35). – С. 155–162.

7. Руди, А. Ш. Научная коммуникация и место в ней понятия устойчивости / А. Ш. Руди // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2012. – № 2 (106). – С. 115–118.

8. Руди, А. Ш. Теория равновесия как механизма устойчивости / А. Ш. Руди // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2012. – № 3 (109). – С. 92–95.

9. Руди, А. Ш. Источники и признаки социальной стабильности / А. Ш. Руди // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 1 (38). – С. 294–296.

10. Руди, А. Ш. Устойчивая картина мира в сознании студента / А. Ш. Руди // Alma Mater. Вестник высшей школы. – 2013. – № 11 (ноябрь) – С. 23–27.

11. Руди, А. Ш. Понимание устойчивости в мифологической и ранней философской мысли [Электронный ресурс] / А. Ш. Руди // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2; Режим доступа: <http://www.science-education.ru/116-12789> (дата обращения: 16.04.2014).

12. Руди, А. Ш. Равновесие как принцип устойчивости [Электронный ресурс] / А. Ш. Руди // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3; Режим доступа: <http://www.science-education.ru/117-12959> (дата обращения: 05.05.2014).

13. Руди, А. Ш. Общество как Мегамашина / А. Ш. Руди // Исторические, философские, политические и юридические науки, культуро-

логия и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5-3. – С. 158–160.

14. Руди, А. Ш. Кристаллизация как механизм устойчивости [Электронный ресурс] / А. Ш. Руди // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4; Режим доступа: <http://www.science-education.ru/118-13431> (дата обращения: 10.06.2014).

15. Руди, А. Ш. «Устойчивое» и «изменчивое» в античной философии / А. Ш. Руди // Наука о человеке: гуманитарные исследования – 2014 – № 2. – С. 176–183.

16. Руди, А. Ш. Мегаорганизм как модель устойчивости / А. Ш. Руди // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10 (48). – С. 167–169.

II. Монография:

17. Руди, А.Ш. Модели устойчивости в развивающейся реальности: монография / А. Ш. Руди ; науч. ред. С. Ф. Денисов. – Омск : ООО «ИЦ Омский научный вестник», 2014. – 232 с.

III. Другие научные публикации:

18. Руди, А. Ш. Терпимость и толерантность: модели регулирования социальных конфликтов / Ю. И. Деревянченко, А. Ш. Руди // Социальные конфликты в истории России : материалы Всерос. науч. конф. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. – С. 41–44.

19. Руди, А. Ш. К вопросу о целостной научной картине мира / А. Ш. Руди // Высшее учебное заведение в условиях модернизации российской системы образования : сб. науч.-метод. ст. – Омск : Изд-во НОУ ВПО «Омский гуманитарный институт», 2007. – С. 12–16.

20. Руди, А. Ш. Методология исследования внутриличностных конфликтов: психоаналитическая теория / А. Ш. Руди // Третьи Лойфмановские чтения: Образы науки в культуре на рубеже тысячелетий : материалы Всерос. науч. конф. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 117–122.

21. Руди, А. Ш. Гражданское общество: механизмы регуляции социальных конфликтов / А. Ш. Руди // Гражданское общество и государство в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. О. Бернацкий. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2008. – С. 138–142.

22. Руди, А. Ш. Герменевтическое снятие конфликтогенности / А. Ш. Руди // Редакторские чтения-2008 : материалы III Росс. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 15–16 мая) / под общ. ред. Г. И. Евсевой. – Омск : ИЦ «Омский научный вестник», 2008. – С. 130–134.

23. Руди, А. Ш. Религиозные конфликты / А. Ш. Руди // Религиозная ситуация в российских регионах: тез. докл. и сообщений Всерос. науч.-практ. конф. – Омск : Омская академия МВД России, 2008. – С. 30–32.

24. Руди, А. Ш. Корелляция творческого мышления и конфликтоустойчивости в образовании личности / А. Ш. Руди // Формирование инновационного мышления и профессиональной ответственности в вузе : материалы Всерос. науч.-метод. конф. / СГУПС, НТИ МГУДТ. – Новосибирск : Изд-во СГУПСа, 2009. – С. 202–204.

25. Руди, А. Ш. Мультикультурализм как условие разрешения социальных конфликтов / А. Ш. Руди // Мультикультуральная современность: Урал-Россия-Мир : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием) Гуманитарного ун-та : доклады : в 2 т. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2009. – Т. 1. – С. 61–64.

26. Руди, А. Ш. Мировой экономический кризис: пути преодоления / А. Ш. Руди // Мировые кризисы XXI века: причины, природа, альтернативы преодоления (Россия в глобальном контексте) : материалы конф. – М. : Культурная революция, 2009. – С. 460–463.

27. Руди, А. Ш. Противоречие как фактор научной коммуникации / А. Ш. Руди // Наука. Философия. Общество : материалы V Росс. философского конгресса. – Т. 1. – Новосибирск : Параллель, 2009. – С. 275–276.

28. Руди, А. Ш. Противоречие как онтологическое основание права / А. Ш. Руди // Онтология и аксиология права : тез. докл. и сообщений Четвертой Междунар. науч. конф. (16–17 октября 2009 г.) – Омск : Омская академия МВД России, 2009. – С. 17–19.

29. Руди, А. Ш. Диалектичность научных коммуникаций / А. Ш. Руди // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы VII Регион. науч. конф. молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2009. – С. 159–161.

30. Руди, А. Ш. Социокультурное основание конфликта / А. Ш. Руди // Культурное наследие России и перспективы мирового социокультурного развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2009. – С. 239–245.

31. Руди, А. Ш. Агрессия: поиск биосоциальных оснований / О. М. Гребенникова, А. Ш. Руди // Омский научный вестник. Серия: Ресурсы Земли. Человек. – Приложение к вып. 1(94). – Омск : ОмГТУ, 2010. – С. 91–95.

32. Руди, А. Ш. Нравственные ценности как регуляторы конфликтов в высшем профессиональном образовании / А. Ш. Руди // Нравственная составляющая качества профессиональной деятельности и ее формирование в вузе : материалы Всерос. науч.-метод. конф. / СГУПС, НТИ МГУДТ. – Новосибирск : Изд-во СГУПСа, 2010. – С. 228–231.

33. Руди, А. Ш. Конфликтный потенциал демократии / А. Ш. Руди // Права и свободы человека: теория, истории и практика : материалы Всерос. науч. конф. (Омск, 25–26 марта 2010 г.) – Омск : Омский юридический институт, 2010. – С. 74–77.

34. Руди, А. Ш. Онтологическая универсальность противоречий / А. Ш. Руди // Омские социально-гуманитарные чтения – 2010 : материалы III Межрегион. науч.-практ. конф. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. – С. 153–156.
35. Руди, А. Ш. Соотнесение проблем фундаментализма и устойчивого развития в контексте формирования личности / А. Ш. Руди // Реальность. Человек. Культура: фундаментализм как тип мировоззрения. Ореховские чтения : материалы Всерос. науч. конф. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2010. – С. 93–97.
36. Руди, А. Ш. Насилие в религиозном контексте / А. Ш. Руди // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений Второй всерос. науч.-практ. конф. – Омск : Омская академия МВД России, 2010. – С. 22–25.
37. Руди, А. Ш. Антиномичность советской культуры / А. Ш. Руди // Советская культура: эволюция идей и ценностей : материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 25 июня 2010 г. / Балт. гос. техн. ун-т. – СПб., 2010. – С. 93–97.
38. Руди, А. Ш. Устойчивость и изменчивость образовательной среды / А. Ш. Руди // Образовательная среда как фактор качественной профессиональной подготовки : материалы Всероссийской научно-методической конференции / СГУПС, НТИ МГУДТ. – Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2011. – 544 с. – С. 51–54.
39. Руди, А. Ш. К вопросу о социальной устойчивости / А. Ш. Руди // Трансформация СССР в СНГ: причины, проблемы, противоречия (к 20-летию Беловежского соглашения 8 декабря 1991 г.) : материалы Всероссийской научной конференции (Омск, 4 марта 2011 г.) – Омск : Изд-во НОУ ВПО «ОмЮИ», 2011. – С. 83–86.
40. Руди, А. Ш. Проблема внутренних факторов устойчивости российского общества / А. Ш. Руди // Россия и мировые тенденции развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. О. Бернацкий. – Омск : ООО «Издательство «Апельсин», 2011. – С. 114–120.
41. Руди, А. Ш. Альтернатива сциентистскому мировосприятию / А. Ш. Руди // Реальность. Человек. Культура: антисциентизм – философская и культурологическая специфика. Ореховские чтения : материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 25 ноября 2011г. : в 2 ч. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. – Ч. 2. – С. 21–24.
42. Руди, А. Ш. Устойчивость современного человека и общества / А. Ш. Руди // Культурное наследие и перспективы социокультурного развития России: визуальные формы межкультурных коммуникаций – прошлое и настоящее. Культурологические чтения 2012 : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Екатеринбург, 5–6 апреля 2012 г.). – Екатеринбург : ФГАОУ ВПО УрФУ, 2012. – С. 144–149.

43. Руди, А. Ш. Методологическое значение категории устойчивости в конфликтологии / А. Ш. Руди // Прикладное и фундаментальное в конфликтологии : сборник научных статей / отв. ред. С. Ф. Денисов. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. – 234 с. – С. 194–205.

44. Руди, А. Ш. Онтология устойчивости / А. Ш. Руди // Философия в современном мире: диалог мировоззрений : материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012.) : в 3 т. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2012. – Т. II. – 467 с. – С. 60.

45. Руди, А. Ш. Религиозная модель мира: поиск устойчивости / А. Ш. Руди // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений Третьей всерос. науч.-практ. конф. – Омск : Омская академия МВД России, 2012. – С. 79–81.

46. Руди, А. Ш. Перспективы социальной устойчивости в смутные времена / А. Ш. Руди // Смутные времена в истории России : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2012. – С. 33–37.

47. Руди, А. Ш. Онтологические основания общественного равновесия / А. Ш. Руди // Реальность. Человек. Культура: философия конфликта. IV Ореховские чтения : материалы Всерос. науч. конф. : в 2 ч. – Ч. I : Сущностные характеристики конфликта и конфликтного сознания. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. – С. 63–66.

48. Руди, А. Ш. Проблема понимания устойчивости в целостной картине мира / А. Ш. Руди // Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы : материалы Всероссийского (с международным участием) научно-методического семинара (г. Екатеринбург, 13 марта 2013 г.). – Екатеринбург : ФГАОУ ВПО УрФУ, 2013. – С. 169–173.

49. Руди, А. Ш. Целостная картина мира и компетентностный подход / А. Ш. Руди // Опыт осуществления модернизации высшей школы: Идеи и рекомендации : материалы Всероссийской научно-методической конференции (7 февраля 2013 г.) – Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2013. – 268 с. – С. 55–58.

50. Руди, А. Ш. Мегамашина как форма социальной устойчивости / А. Ш. Руди // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2013. – № 29. – С. 134–139.

Подписано в печать 15.10.2014. Формат бумаги 60x84 1/16. Печ. л. 2,3. Тираж 100 экз. Заказ .

Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а